

Василий КОЗЛОВ

Время неумолимо, и с каждым днем становится все меньше и меньше тех, кто встречался с С. А. Есениным, общался с ним. А между тем их свидетельства обогащают наши представления о личности поэта. И для каждого исследователя новый документ, связанный с жизнью Есенина, его окружением, реалиями быта, — это подлинная находка, скромная награда в постоянном поиске.

11 апреля 1980 года в «Литературной России» были опубликованы мои заметки «Новое о Сергее Есенине». В них цитировались строки из воспоминаний В. П. Козлова о поэте. Написанные после смерти Есенина, они вот уже более полувека хранятся в отделе рукописей Института мировой литературы АН СССР имени А. М. Горького.

Кто он, автор воспоминаний? Жив ли? Как разыскать его? Вскоре после моей публикации раздался звонок — у телефона Василий Петро-

вич Козлов!.. Вот уж неожиданная радость! Мы встретились с ним.

Василий Петрович живет в Москве, ему 76 лет. Прожита большая, интересная жизнь. Ученик мастера на текстильной фабрике, комсомолец с января 1919 года, доброволец Красной Армии, работал вместе с Николаем Ильичом Подвойским. Затем — рабфак, институт, работа в Наркомфине СССР. Был он и директором 1-го механического завода, работал на руководящих должностях в различных государственных и научных учреждениях. Сейчас он персональный пенсионер.

Воспоминания В. П. Козлова, которые сегодня публикует «Литературная Россия», имеют несомненную ценность. В них приведены суждения Есенина, дополняющие его высказывания о Маяковском, Казине и других поэтах, в них — правдивые штрихи бытовой обстановки последнего года жизни Есенина.

Виталий ВДОВИН

ВСТРЕЧИ С СЕРГЕЕМ ЕСЕНИНЫМ

Весной этого года я отдыхал в подмосковном санатории. Прогуливаясь по обыкновенной утренней почте, я прочитал в «Литературной России» очерк Виталия Вдовина «Новое о Сергее Есенине». Прочитал, и меня охватило радостное волнение: цитировались отрывки из найденных в архиве воспоминаний о Есенине, написанных мною... 54 года тому назад.

Так я встретился со своей юностью... И вот я вновь в двадцатых годах и мысленно переношусь к дорогим воспоминаниям...

Многое стерлось в памяти, но воспоминания, написанные в 1926 году, теперь лежат передо мной, воскрешая не только факты, но и интонации речи, подробности, которые так отчетливо врезались в мою память в те дни.

Учась на рабфаке, я не переставал писать стихи и все время думал, как встретиться с Сергеем Есениным.

А жил я в Столешниковом переулке в доме № 5, квартире 15 и был членом домоуправления Жилтоварищества. В этом же доме проживали Иван Васильевич Грузинов и Владимир Алексеевич Гиляровский.

Однажды, летом 1925 года, я пришел к Грузинову и застал у него много гостей — писателей. Они вели разговор об имажинизме. Не скрою, мне тогда трудно было уяснить суть споров. Помню, говорили о Николае Клюеве, Василии Казине, Петре Орешине. Особо выделяли поэзию Есенина и Маяковского.

Когда все ушли, я сказал Грузинову, что мне очень хотелось бы встретиться с Сергеем Есениным.

— Ты работаешь в домоуправлении, я полагаю, что при твоей поддержке мы сумеем найти в нашем доме комнату для Есенина? — спросил меня Иван Васильевич.

— У нас есть две комнаты, которые можно сдать, — ответил я, — но там нет окон.

Совсем небольшие комнаты освещались через фонарное остекление потолка, так что свет дневной в них все же был. Захотел ли Есенин здесь поселиться? Своими сомнениями я поделился с Грузиновым. Тот улыбнулся в ответ и заметил:

— Поедет, да еще с какой охотой, ты Сергея не знаешь, он — человек свой.

Мы установили день, когда должен был прийти Есенин осмотреть комнаты.

...И вот наконец раздался

звонок... Четыре звонка... Это ко мне. Я быстро выбежал открывать дверь. Первым входит Иван Грузинов со словами:

— Ну, вот мы и пришли, да целой оравой.

Вошли в комнату — пять человек!

— А это вот сам Сергей Есенин, — проговорил Грузинов.

Я протянул Есенину руку и крепко пожал. Помню, он был в сером костюме, с небрежно повязанным галстуком. Наверное, в тот момент для меня перестали существовать все, пришедшие с ним.

— Я — известный юморист Сахаров, — назвался один из них, — а вот — знаменитый поэт (это был Василий Наседкин), ну, а это есть вся Рязань и губерния дяди Есенина.

Он показал на деревенского мужичка — бородатого, в коротком пиджаке, в лаптях.

Есенин сел у стола, снял шляпу. На шутки Сахарова мягко улыбался.

— Ну, что же, товарищ Козлов, — обратился ко мне Есенин, — сумеем договориться?

— Думаю, что да.

Я предложил написать заявление, дал лист бумаги, он небрежно оторвал маленький кусок от листа.

— А что писать? — спросил Есенин.

Все засмеялись. Сахаров пошутил:

— Пиши, Сергей, стихами. Деньги получишь, а для Жилтоварищества память.

— В Жилтовариществе № 191... — подсказал я.

Есенин продолжал дальше, начав с просьбы: «Прошу Правление Жилтоварищества предоставить мне с семьей в три человека две фанерные комнаты. На условия ваши согласен. Нуждаюсь. С. Есенин.»

Я предложил ему осмотреть жилье.

Есенин заметил, что в комнатах пахнет сыростью, а потом улыбнулся:

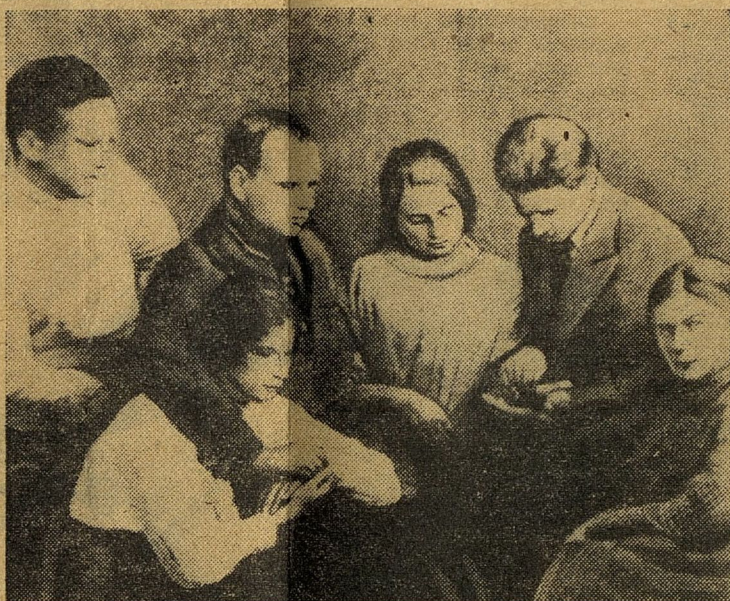
— Ну, пошли, достаточно, посмотрели.

Вышли на улицу.

Есенин и его друзья попрощались со мной и пошли по направлению к Моссовету. Я бросился их догонять. Сказав, сказав, что мне тоже нужно идти в этом направлении. Уже очень хотелось мне тогда подольше побыть с Есениным.

Свернули по улице Дмитровской влево, остановились у трамвайной остановки.

— Передавай, что жив и здо-

Стоят (слева направо): В. Ф. НАСЕДКИН, А. М. САХАРОВ, А. А. ЕСЕНИНА, С. А. ЕСЕНИН; сидят — Е. А. ЕСЕНИНА, С. А. ТОЛСТАЯ. 1925 г.

ров, — сказал Есенин, обращаясь к рязанскому мужичку.

— Приезжай, Сережа.

— Хорошо, привет всем, — ответил Сергей.

Медленно пошли по улице Дмитровке, свернули по направлению Тверской и пошли по Моховой.

— Слушайте, ребята, — проговорил Есенин, — быть может, зайдём выпьем квасу?

Зашли в ресторан, заказали две бутылки квасу. Разговорились о современных поэтах.

— Песенка Мариенгофа спета, Шершеневич тоже скатился. Глубокие надежды питаю на Василия Казина... Маяковский большой талант, его поймут позже, — говорил Есенин.

Незаметно тема разговора изменилась. Сахаров неожиданно сказал:

— Нашел тебе, Сережа, невесту и женим.

Есенин улыбнулся. Осмелев, я тоже вступил в разговор и даже посовествовал Есенину жениться на крестьянской девушке и на аэроплане больше не летать.

— Женюсь, скоро женюсь, — как-то неуверенно ответил Есенин.

В то время я, конечно, не знал об отношениях Есенина с Софьей Андреевной Толстой — внучкой великого писателя, которая вскоре стала его женой. А свою тогдашнюю смелость объясняю молодостью.

Сахаров приподнял скатерть со стола, за которым все мы сидели. На крышке его торцевой части было вырезано: «Сергей Есенин».

— Сергей, видишь?

Есенин взглянул.

— Это стол из кафе «Домино», — сказал он, — вырезал на память художник, который умер.

Расплатившись, вышли на улицу. Есенин с Сахаровым спешили в кино, а мы с Грузиновым пошли домой.

На другой день я встретил Гиляровского (он обычно рано

утром выходил на прогулку) и рассказал ему, что мы с Грузиновым решили помочь Сергею Есенину получить жилье. Гиляровский был обрадован:

— Вася, дай бог, чтобы Сережа пожил в нашем доме, это же память на века, — и добавил: — Зайди ко мне, Расскажи, как сложатся дела.

Впоследствии все мои попытки разыскать это заявление Есенина в Жилтовариществе остались безрезультатными...

Однажды мне передали оставленную Есениным записку, в которой он писал: «Товарищ Козлов, был у тебя, дома не ока-

— Только что вышел, — отвела мне высокая дама.

Из комнаты раздался голос: «Ваша фамилия товарищ Козлов?»

— Да, — ответил я.

Мне предложили пройти в комнату и сказали, что через десять минут Есенин вернется. Это был брат Есенина — Илья, с которым вскоре мы подружились (в декабре 1925 года он некоторое время жил у меня на квартире).

Минут через пятнадцать вошел Есенин. Глаз его не было видно, волосы, выбиваясь из-под цилиндра, закрывали лицо, на руке была пушкинская накладка. Я понял, что Есенин куда-то собрался идти и разговор о моих стихах вряд ли состоится. Так оно и получилось.

— Сегодня у нас свидание плохое, — сказал Есенин, — я сейчас должен ехать...

Он говорил о своих планах, о том, что хочет готовить переписку Андрея Белого и Александра Блока.

— Люби литературу, — признал Есенин, обращаясь ко мне.

Не рискуя напоминать о своих стихах, я спросил Есенина о стихах Ивана Грузинова.

— Умный, только рифма ему не дается, он делает это сознательно, — ответил Есенин.

Я понял, что дальше задерживать Есенина нельзя, взял папку своих стихов, извинившись, стал прощаться.

— Я помогу, зайдешь, — сказал Есенин.

Следующая моя встреча с Есениным произошла на той же квартире Толстой.

Когда я пришел к Есенину, у него был Василий Наседкин. Сидели, пили чай. Есенин позначил меня с Софьей Андреевной. Оказалось, что они собирались в кино. Минут через десять Есенин вышел и сел за стол, предложил мне стакан чая. Я отказался.

— Стихи принес? — спросил он.

— Да, — ответил я, и мурашки пробежали по моему телу.

— Я их просмотрю, товарищ Козлов, не беспокойся, — сказал он и предложил пойти с ними.

На улице было скользко. Я взял Сергея под руку, Софья Андреевна с Василием Наседкиным шли сзади нас.

— Если помнишь стихи, прочти, я послушаю, — сказал Есенин.

Я был рад, но предупредил, что читаю неважно.

— Лишь бы хорошо были написаны, — проговорил он.

Я начал читать стихи о деревне и природе.

— А знаешь, — медленно признал Есенин, — мне очень нравится деревня... Ты не горюпись, товарищ Козлов, я помогу, ведь я старше тебя на десять лет...

Вскоре я опять ему позвонил. Мне сообщили, что Есенин лег в больницу. От Ильи, который жил в то время у меня, я узнал, что дела у Есенина неважные. Он очень нездоров. Больно жалось сердце. Хотел я поспать к нему в больницу, но не удалось. На второй день рождения я позвонил к нему на квартиру, и Софья Андреевна ответила, что Есенин из больницы выписался и уехал в Ленинград. Голос ее был тревожным...

Через несколько дней, как гром, разнеслась по стране весть о смерти поэта.

Воспоминания о встречах с Есениным всю жизнь согревают меня. И на фронте в годы Великой Отечественной войны я не раз читал стихи Есенина в минуты коротких привалов, и сегодня Есенин остается для меня самым любимым поэтом.

— Простите, Сергей Александрович дома? — спросил я.